

Григорий учился в русской школе (была еще в поселке белорусская, где все предметы преподавались на белорусском языке). Все русские и еврейские, а также дети многих белорусских семей, учились в русской школе. Но «беларускамова» и «литература» преподавались и здесь, правда, без обязательного посещения. Еврейские дети класса, кроме Гриши и Семы Жировского — сына фронтовика-артиллериста,— не посещали этих уроков. Грише же нравились эти предметы, и он душой болел за тяжелую долю белорусского народа в царской России, угнетавшегося польской шляхтой, русским чиновничеством и,— это потом, намного позже выяснилось,— безбожно и поголовно спаиваемого корчмарями,— как это ни больно было констатировать, лицами Гришиной национальности. Однако среди классиков белорусской литературы был один писатель-еврей — Змитрок Бядуля**.

Придя из школы, поев, Григорий не садился за уроки, как это делало большинство ребят, а шел во двор, и летом с утра и до позднего вечера, если был один, гонял мяч или прыгал в высоту, с ребятами же играл в войну, шпионов-разведчиков или в разные игры с мячом; а зимой несколько часов подряд — по большей части один — катался на санках с небольшого уклона горки (вся усадьба спускалась к низине, к болоту), там же — на лыжах, стараясь разогнаться и проехать, как можно дальше.

Зимой, в сильный мороз (а тогда, в пятидесятые-шестидесятые годы климат был классическим: январь — солнце и мороз, февраль — пасмурно, в основном, и снегопад с ветром, вплоть до выюги; март — солнце и постепенное таяние снега; апрель — ручьи и пробивающаяся зелень, и так далее) за окном сильно гудели электропровода, которые были натянуты над росшими вдоль улицы ясенями и липами.

Зиму Гриша очень любил в январе: светит яркое солнце, все как стеклянной пы-

---

* Окончание. Начало в № 4, 2017 «Приокских зорь».

** Змитрок Бядуля — Самуил Ефимович Плавник родился в небогатой еврейской семье. В своих произведениях писатель стремился показать тяжелую долю рабочих («Ля вапенайгары»), рассказывал о горе людей, которые пострадали от пожара («Чырвоная казка»), показал трагедию крестьянина в столкновении с жестокостью жизни («Без споведзі»). Показал всю реальность и сложность крестьянской жизни, почему помогала близость литератора к сельской жизни и понимание души крестьянства.

лью посыпано, деревья в белом, дым вьется из труб, на улице скрипит снег под полозьями проезжающих мимо саней и под шинами машин... Наступает ранний и тихий вечер, солнце уходит в лиловые тучи, луна еще не взошла, на снег к востоку ложится уже ночная мгла, и улица с редкими прохожими вдали сливаются с ней. А вот Гриша с родителями поздно возвращаются из гостей. Светлая ночь вокруг, в поселке пусто и тихо, луна освещает снег и все вокруг своим мягким светом.

Декабрь же не нравился ему — суровая погода, утро наступает поздно, но солнца не видно и тогда, серый морозный день, деревья тоже стоят в серо-сиреневом инее. День короток, рано вечереет, на западе сквозь темно-серое небо проступает красная полоска зари, потом медленно тает, мороз усиливается и наступает тьма.

У читателя может возникнуть законный вопрос — что это за стремление прыгать в высоту? Все просто: на школьном уроке физкультуры Гриша показал в этом виде лучший результат из всех одноклассников (кстати, как и в беге на шестьдесят метров, и в прыжках в длину). Дома, соорудив во дворе два столбика с рогатульками на ободках и положив на них планку, он стал тренироваться, стараясь каждый раз подняться чуть выше.

Мяч — обычный детский, резиновый и двухцветный — гонял тоже не просто так, а со смыслом: разгонялся и, ведя мяч до определенной черты, бил с нее по воротам — открытому проему сарая, — стараясь забить гол, выставляя сам себе оценки: высшую, если попадал в «девятку», и так далее, по убывающей.

Мечтал паренек о пионерском лагере, горячо просился у матери, но... Пригласила она девочку Аню, его одноклассницу, заранее условившись с ней, что она скажет. Ну, и рассказала та про «вареных червей в супе» и «лесных бандитов», да поклялась больше никогда туда не ездить...

Мать строго следила за Григорием и просила соседей и знакомых немедленно сообщать ей, куда он направлялся и где его видели. Порой даже с работы прибегала, если Гриша уходил далеко от дома, бежала следом за ним и возвращала его. Соответственно, и отпрашиваться у нее куда-то было делом бесполезным — не пускала. Однако потом, в отрочестве, вдруг не стала возражать против его походов на занятия в кружки, на вечера и школьные танцульки. Да вся беда в том, что навыки общения вне дома и своего двора у Гриши не сформировались — словно жил он на острове, — отсюда многие его будущие жизненные неприятности, отсюда, может быть, и застенчивость и нерешительность, вплоть до густого покраснения, когда — при публичных выступлениях: в детском хоре, в праздничных декламациях, перед классом — кровь обильно приливалась к голове и пылали уши.

Однажды у Гриши сильно разболелся зуб. Мать отпустила его одного в поликлинику. На обратном пути, после благополучного избавления от зуба и боли, зашел он с одним мальчиком, с которым подружился у кабинета зубного врача, на поселковый аэродром, где стояли два «кукурузника». Непосредственный Гриша, недолго думая, подошел к одному из них и поднялся по ступенькам трапа, чтобы заглянуть в иллюминатор. Вдруг услышал: «Куда лезешь, ж...я морда?!» — это сторож так среагировал. Было больно от несправедливости — ведь он ничего плохого не хотел сделать — и от обиды, еще больше, чем от зуба. Тогда-то он понял, насколько душевная травма сильнее физической. Мальчик, белобрысый, со стрижкой не накоротко, обнял его за плечи и сказал: «Пойдем отсюда!». Они шли по дороге, а когда подходили к Гришиному дому, он на прощание подарил ему большой шарик от подшипника, хотя тот у него был один, сказав: «Я тебе еще достану. Бери!» Как верна пословица: «Мал золотник, да дорог!» или «Хороша ложка к обеду».

Узнав страсть Гриши к «футболу», тети в один из своих приездов подарили ему настоящий футбольный, кожаный мяч. Да вот беда — женщины, что скажешь, — забыли приложить к нему насос. Вышел он с мячом на улицу, глядь, идет одноклассник Шурик Молодцов. Увидел он подарок, завидки, видно взяли его, и говорит Грише: «У меня дома насос есть, пойдем, надуем и с ребятами в футбол погоняем!» Пришли. Взял он мяч и с ним — в дом. Гриша, было, пошел за ним, но Шурик засмеялся: «Да я сейчас, быстро надую и вынесу!» Прошло минут пятнадцать, выносит он надутый мяч. Собрались ребята, стали играть. Через некоторое время мяч сдулся. Все сокрушенно вздохнули и разошлись. Один Шурик стоит, улыбается: «Ну, что делать, такая камера попалась!» — говорит. Позже он много пакостей делал Григорию. Тогда-то Гриша и понял, что с мячом не все так просто было: или проколол, или подменил камеру на порванную. Ну, что делать? Искать хоть каплю доброты и порядочности у девяти-десятилетнего человека, если у него уже от рождения внутри иной дух, все равно, что искать, как говорится, кроликов в шляпах, то есть — гиблое дело.

А несколько лет спустя пришли к Грише друзья: Коля Охрименко — сын первой учительницы, Евдокии Дмитриевны, и Сашка Травинский — сосед по улице. То да се... Решил Григорий похвалиться своей коллекцией марок. Принес, ребята с интересом стали их рассматривать. И было на что посмотреть! Там было много иностранных и художественных советских — результат множественных обменов, в том числе и по переписке. «Да, хорошие!» — сказал Коля, когда последняя марка была просмотрена. «Попить бы, а то селедки наелся», — промолвил Сашка. Гриша пошел за водой и кружками. А когда пришел, марок на столе не было. «Где они?» — спросил он. А ребята смеются, мол, спрятали в доме, поищи — найдешь. Распрощались и ушли. Весь вечер искал Гриша марки, и назавтра утром — все перерыл, но ничего не нашел...

Так вот его и учили — не быть доверчивым.

А тогда Шурик стал относиться к нему почему-то очень агрессивно. Несколько раз бил кулаком. А был Гриша в детстве худющим мальчиком — хлюпиком, одним словом. Пытался как-то дать отпор, но силы были явно неравны, и дело кончилось синяками. Мать, видя такое дело, стала решать вопрос по-своему, начала уговаривать Шурика конфетами, задабривать его. Гриша нервничал, не хотел этого, возражал матери, но она, как волевая женщина, что решила, то и делала. Ему это было неприятно и, повлияв на взаимоотношения со сверстниками, нанесло психологическую травму. Но ничего уже поделать было нельзя.

Помнит Григорий: приехал в Брагин из Минска с одинокой мамой «минчанин» Жора. Он пришел в класс и долго, пока не вырос из нее, ходил в серой форменной школьной форме и фуражке, которые мы в сельской школе отродясь не видели. Он стиляжничал, по нему сохли девчонки, и он много хвалился насчет своих похождений.

Как-то, в седьмом классе, Гриша не выполнил домашнего задания по русскому языку. Когда же на уроке учительница попросила показать, он соврал, мол, забыл тетрадь дома. Она отправила его с урока за тетрадкой. Естественно, Гриша тетрадь не принес и снова солгал — не нашел. Учительница перед всем классом наотмашь дала ему пощечину. Он смолчал и в классе, и дома...

Однажды родители пригласили столяра что-то сделать по дому. Это был отец Гришиного одноклассника Володи Батулина. Помнит Григорий его вежливый, спокойный и внимательный взгляд, коротко остриженные и очень чистые ногти, и обед, завернутый в кипейно чистый платок, — ровно нарезанные кусочки сала с розовыми

прожилками мяса и с запахом чеснока, и столь же ровно нарезанный белый — не серый и не батон — хлеб, а также соленые, пахнущие чесноком же и укропом огурцы, которые он резал на кругляки остrozаточенным перочинным ножом. Ел он с достоинством и уважением к окружающим, что выражалось и в осанке, и в спокойных и размеренных движениях, и в том, как собственно ел, и во взоре спокойных серых глаз.

Сына Володю отец держал в строгости. Тот был сдержан и уважителен, хороший и верный товарищ. Одежда его была не богата, но всегда чиста и хорошо выглажена.

Всю жизнь Григорий вспоминал их — отца и сына — и думал: «Побольше бы таких простых, но культурных и достойных людей!».

За окнами тихая ночь. Луна стоит не высоко на небе, хорошо видны мерцающие в глубокой синеве звезды. Светлеет на земле, на ветках деревьев у дома, на крышах соседних домов, на журавле колодца свежий, падавший вечером, снег. Гришу, залюбовавшемуся у окна, стало клонить в сон — усталость дня брала свое. Он ложится в постель, закрывает одеялом с головой, подворачивает его под себя со всех сторон, чтобы не было никаких отверстий — «в конверт», как учили его тети Руфа и Лиля. Сон спускается на Гришу, сладость наполняет душу, сквозь засыпание слышит он обрывки слов, долетающих из столовой. Мечтает Гриша, чтобы мама присела у его постели, погладила по голове, поцеловала в щеку, но... И снится Грише как бабушка Рая (она уехала тогда к тете Руфе в Орехово) сажает его на колени, обнимая, прижимает к груди и говорит ласковые слова. Гриша обоняет ее запах, и спокойствие и любовь растекаются по всему его телу от родного, полного нежности голоса.

Бабушка Рая часто вспоминала, как мама ее рано умерла, когда той было несколько месяцев. Отец ее быстро женился, и девочка жила в семье как служанка и нянька для сводных братьев и сестер. Дед Илья, родной брат ее, быстро уехал в Ригу и устроился подмастерьем к сапожнику. Бабушка вскоре уехала туда же за ним и работала прислугой в богатой еврейской семье, а в 17-м году она из Риги переехала в Петроград, устроилась разносчицей каких-то (каких — Гриша не помнил) товаров, а между делом передавала записки — однажды даже самому Ленину, выступавшему в мае на митинге на Путиловском заводе.

Когда начался голод, бабушка приехала в Тулу, устроилась работать в детский дом. На лето дети с воспитателями и младшим персоналом уезжали в Велегож. Там и познакомилась Рая с Михаилом, своим будущим мужем, приехавшим в 16-м году из Брест-Литовска в Тулу по делам фирмы и так и оставшимся здесь.

Бабушка была неграмотной. Михаил научил ее буквам, писать и читать по слогам, а в свободное время читал ей вслух. Более всего бабушке Рае запомнился роман Виктора Гюго «Отверженные», и она часто рассказывала Грише историю преображения, дальнейшего трагизма и благословенного окончания жизни Жана Вальжана, истории других героев этого замечательного произведения.

Бабушка Рая похоронила троих своих детей. Ее первенец, мальчик, умер, когда ему было всего несколько месяцев. Потом старшая дочь — Любовь, — когда приехала с фронта, где рыла под Киевом окопы и спаслась от наступавших немцев, переплы whole Днепр. Умерла она, отравившись консервами. Семья — бабушка с тремя малолетними детьми — во время войны находилась в эвакуации, в Узбекистане, где бабушка работала в андижанском детском доме. И, наконец, тетя Лиля, когда бабушке Рае было уже восемьдесят лет. Тетя Лиля работала акушер-гинекологом в больнице. Она буквально всю себя отдавала больным, днем и ночью возле них, особенно после операции. Но при этом... ожидала такого же ответного добра — не денежных и иных воздаяний, а именно добра! — от них после выздоровления. Став взрослым, Григорий понял — добро нужно делать без всяких упоминаний на аналогичный ответ.

В семье усилиями бабушки Раи при молчаливом непротивлении этому матери, постоянно создавался культ двух теть — Лилии и Руфины. Они учились в медицинском институте в Ярославле, предварительно окончив медучилище в Бресте, на родине их отца, деда Григория. Тот в 38-м, уже работая в Туле, за ужином со знакомыми сказал, что настали плохие времена. Кто-то донес на него, он был арестован и больше не вернулся... Так они боялись даже заикнуться тогда, в Бресте, чтобы найти улицу и дом, где дед родился и жил. Шли 1952 — 53-и годы...

Кстати, мать часто рассказывала, как в 38-м подъехал «черный воронок», вошли люди в форме, зачитали какую-то бумажку, обыскали квартиру, переворошив все вещи и книги, и стали уводить ее отца. Она, двенадцатилетняя девочка, бросилась на них, крича: «Уходите, не отдам моего папу!»

Мать часто рассказывала и о том времени, когда немцы подходили к Туле, об эвакуации заводов и семей их работников, об ополченцах, о том, что были и те, кто со злорадством ждали прихода оккупантов.

Итак, перед приездом теть-студенток на каникулы, бабушкой создавалась такая атмосфера, что дети воспринимали это событие как чуть ли не явление божественных существ. По той же причине они не подрабатывали, как это делали многие нуждающиеся студенты — очень трудно было прожить в городе на одну маленькую стипендию, — а ежемесячно, ни мало не сумнявшись, получали большие посылки с продуктами от довольно бедной семьи, с тремя детьми.

Кстати, несмотря на это, к матери Григория, сестре своей, они относились холодно, считая ее человеком более низкого сорта, а отца — рахитичного, не высокого роста, с перекошенными под сорок пять градусов плечами — просто не уважали за немужественность. Племянников же баловали и, несмотря на свою бедность, привозили сладости и какую-нибудь игрушку.

Летние каникулы тети проводили в Брагине, помогая по дому, в огороде и саду, загорая и занимаясь с детьми.

Созданная атмосфера сделала их для детей непререкаемыми авторитетами на долгие годы, что имело свои и положительные, и отрицательные моменты, ибо, как потом показала жизнь, по сути, они были в чем-то умными, в чем-то ограниченными, в общем же, далеко не мудрыми и не практическими людьми, даже более чем большинство советских людей в то время.

Когда тетя Руфа окончила институт, ее направили по распределению в сельскую больницу в деревню Орехово Костромской области, где дали служебную квартиру в большом добротном деревянном доме на три семьи. В двух других квартирах жила медсестра, тетя Тамара, и семья работника леспромхоза с двумя дочерьми, одна из которых была ровесницей Гриши, ей было тогда десять лет.

К тете Руфе приехала жить и помогать бабушка Раи. Все соседи жили дружно и совместно проводили вечера за игрой в домино и лото вокруг большого стола во дворе с обязательными жареными семечками.

Бабушка Раи была очень добродушной, заботливой и порядочной женщиной, но иерархия ее ценностей была такова: на первом месте стояла национальность и национальная религия, далее — семья, потом всё и все остальные. У Григория же с ранних детских лет все было наоборот: на первом месте стояли люди, потом семья и далее — все остальное. Получается, разные Боги были у него и у бабушки Раи... Может, поэтому так мало любви Гриша чувствовал в жизни — не «такой» он был, «чужой для своих, свой для чужих». Но потом, повзрослев, с 20-ти до 30-ти лет он стал диаметрально другим... что было, считает, наносным и искусственным. Но это уже другая история... А когда Григорий был уже в годах, он услышал про себя: «Да какой он еврей? Те стараются, прежде всего, денег заработать. А он...».

В течение двух лет, пока тетя Руфа работала в Орехово, мать, в один из летних месяцев, брала отпуск и с детьми приезжала отдыхать к ней. В первый приезд они с соседями ездили в лес, в Галичский район, за черникой. Ранняя пора, где-то около трех часов, поездка на УАЗике до Галича, потом немножко — на электричке. Солнце только показалось, и там, где оно всходило, небо было чисто. Тонкий серп растущей луны над горизонтом все же был заметен среди легких, небольших белых облаков, между которыми синело небо. На земле, из-за еще невысокого солнца, пятнами были видны длинные тени. Стояло прохладное, но ясное утро. Обильная роса на густой, по колено (а Грише и по пояс), траве, по словам взрослых, говорила о предстоящем теплом солнечном дне. Когда они вышли на большую болотистую поляну у смешанного леса, запахи окружили их. Гриша до сих пор помнит — какие это были запахи! Но тут же зазвенели комары. Все надели на головы сетки, а на руки — перчатки... Кругом росли невысокие, снизу с бледными и сверху со светло-зелеными листьями, кустики черники, с отдельно на стеблях расположеннымными сине-черными ягодами. Свежая черника таяла во рту, куда он поначалу, в отличие от взрослых, клал ее вместо бидончика. Хоть руки и рот были черны от нее, но впечатления остались незабываемые!..

В то лето сестра Галина осталась на год у тети с бабушкой, и Гриша с Кирой ей завидовали.

Но вот они вернулись домой. Начались занятия в школе, незаметно проходили дни. А во второй половине сентября случился вечер, запомнившийся Григорию на всю жизнь — тихий брагинский вечер, словно вот-вот все летнее цветение, запахи и тепло возродятся, а сырость, холод и умирание отойдут куда-то в неведомую даль. Тишина буквально звучала тогда: даже шевеление листка на дереве и треск сухой ветки раздавались далеко-далеко. До сих пор он вспоминает, как хотелось продлить очарование этого вечера, хотя бы еще на миг, и, будто в ответ на его желание, время замедлилось, душа наполнилась радостью детской жизни и, одновременно, неясными ожиданиями. О, если бы он знал тогда, со скольким и сколькими придется прощаться в будущей волнительной, но столь желанной взрослой жизни!

Между усадьбами Новаковских (внуком которых был Борис — тот самый, старший друг Гриши) и приехавших Стрибуков стоял колодец-журавль, и до появления водопровода все жители ходили к нему за водой. Очень любили нашу местность аисты. Они вили гнезда на больших деревьях и на столбах колодцев-журавлей и высиживали птенцов. Осенью аисты улетали на юг.

Мать в начальных классах занималась с Григорием, когда он делал уроки. На заданные ею вопросы он сразу старался угадать ответы. «Не гадай, а думай!» — учила она.

Нельзя сказать, что мать была чересчур жестокой с Гришой. Хотя... Но уж жесткой — это точно. Единственno, когда он болел, она, насколько могла, была терпеливой, доброй и ласковой. Но, если очень злилась на Гришу, могла стать буквально свирепой. А он был большой проказник... Однажды мать, схватив палку, погналась за ним вокруг дома. Дом тогда еще не был огорожен глухим забором, а только со стороны улицы стоял штакетник. От соседей двор и огород ничем не ограждались, и были проемы, через которые можно было пройти с обеих сторон на улицу. Они побежали круга три, но мать так и не догнала, выдохлась и успокоилась. Это для Григория был ранний урок, как интенсивные физические движения снимают стресс...

Детям, конечно, в той или иной степени, свойственно шалить. Гриша тоже был шалуном, да еще каким, но... никогда не хулиганил.

Однажды на переменке он залез в парту (под верхней наклонной ее доской была полочка, разделенная надвое — для каждого ученика своя) к Софе Рифшиц, где лежали цветные карандаши — целых тридцать шесть штук! — тогда невидаль для ребят из простых семей (отец Софы был главным хирургом района). Раскрыв коробку, Гриша стал перебирать в ней карандаши, любуясь их оттенками, и... случайно уронил. Карандаши рассыпались по полу, что привлекло внимание ребят, которые занимались, кто чем, и до сих пор не замечали эту проказу. Но тут уж Григорий поневоле оказался в центре внимания, и, конечно, как водится, нашлась примерная ученица, которая доложила о произошедшем учительнице, а та на уроке поставила проказника перед классом и сделала внушение, что не след лазить по чужим партам. Он думал, что после этого его посадят на место, и был немало удивлен, когда остались стоять весь урок, чуть ли не в углу, но лицом к ребятам. Более того, была вызвана с работы мать.

А далее произошло следующее. Мать строго выговорила Грише, но повела после уроков не домой, а прямо к Рифшицам.

Когда они вошли, семейство сидело за обеденным столом. Мать объяснила причину прихода — сын должен перед ними попросить прощения. Их, не предложив раздеться, провели к столу, и мать потребовала от Гриши сделать то, ради чего они пришли. Тот в смущении, весь красный стоял, стесняясь выговорить хоть слово. Наконец, он произнес требуемое, думая, что теперь все закончится и они уйдут, но не тут то было. Мать заставила Григория — как и учительница перед классом — стоять перед обеденным столом до тех пор, пока они не закончили трапезу...

Но, невзирая ни на что, Гриша продолжал озорничать. Рядом жила соседка, полуслепая, уже на пенсии женщина. И он однажды, переодевшись в женскую одежду: мамину юбку, блузку, бабушкины башмаки и кофту, повязав на голову платок и надев оправу от старых очков, подошел к ней и начал разговор. Та вначале спросила, мол, кто вы да откуда, он назывался женским именем и сказал, что с Песков — дальнего района Брагина. Соседке было неудобно признаться, что ей, так давно живущей в поселке, не известна старая еврейка Н. с Песков, потому она не противилась тому, как он долго-долго старушечьим голосом обсуждал с ней разные вопросы: по хозяйству, ценам, воспитанию детей и внуков и так далее, и тому подобное. А потом, наслушавшись вдоволь, когда та зашла в дом, взял и запер ее двери снаружи на щеколду. Так и просидела бедная взаперти несколько часов до прихода мужа...

А вот Гриша подсматривает за отцом или вечером неслышно ходит за ним, хлопочущим во дворе по хозяйству, и кривляется, передразнивая все его движения, или забирается на чердак над старой половиной дома и в щель бросает на проходящих мелкий мусор, пугая их...

Но однажды проказы Гриши вновь распространились на школу. Вместо того, чтобы войти в класс через дверь, он полез через окно. В это время по двору школы проходил директор. Он подошел и строго сказал, чтобы нарушитель порядка зашел к нему в кабинет. А тот вместо этого спрятался в уборной (она была сельского типа, во дворе) и заперся там. Не дождавшись в своем кабинете, директор поручил учительнице отыскать проказника. Евдокия Дмитриевна пошла искать, но в уборную она, конечно, заглянуть не догадалась. Однако доброхоты-проныры, понятное дело, доложили ей, где Гриша прятался. Пришло все же посетить кабинет директора и выслушать строгое наставление с предупреждением. Учительница потом смеялась, мол, предпочел столько времени просидеть в вонючем нужнике, чем идти на разговор с директором, как будто от него скроешься.

Мать частенько жестоко наказывала Гришу: стегала ремнем, ставила в угол голыми коленями на горох, несколько раз в зимний морозный вечер одевала, открывала дверь и говорила: «Уходи!» Как сейчас он помнит один из таких вечеров: открытые

двери в коридор и далее в сенцы, и на улицу, в темный морозный воздух, откуда в комнату шел двадцатиградусный холод, злую мать, рукой указывающую на дверь, и сидящую в гостях бабу Настю, по природной мудрости своей не вмешивавшуюся в «воспитательный процесс». Григорий одет в пальто и шапку, а зима беснуется у дверей, дышит крепким морозом, мечет в стекла и в сенцы мелкий колючий снег, то застывает, а то вновь бросается на дом, словно хочет зацепить и утащить с собой мальчика, пожертвованного ей матерью, и оттого, что никак не получалось — в бессильной злобе и тоске воет в печной трубе.

Неправильность такого метода воспитания, как, став взрослым, разобрался он, кроме жестокости, конечно, заключалась в следующем: он отлично помнил, что его выгоняли и как это делали, но абсолютно не помнил — за что!..

Григорий очень любил весну. Вот с крыши одна за одной, искрясь в лучах солнца, падают капли, а колеи из утрамбованного снега на дороге блестят, подобно белым фиgуркам разных зверушек на буфете у бабушки Насти. По небу, какому-то особенно торжественному в эту пору, плывут облака, и солнце то прячется за них, то вновь выглядывает и, многократно преломляясь, отражаясь ослепляющим блеском в каплях, в тающих льдинках, в звонко и торопливо бегущих дрожащих ручейках, озаряет все кругом. Отвыкшим во выюжный февраль и серый март от света глазам даже больно смотреть на это сияние, и приходиться щуриться. В ярких солнечных лучах радостно плавится, освобождая землю, снег, во всех мало-мальских ложбинках и ямках накапливается талая вода. Прохладный, но уже поющий о тепле среди пока еще голых веток ясеней, лип и тополей, ветер несется вдоль улицы, однако никто не ежится от него, а наоборот, радостно улыбаются ему как предвестнику долгожданного лета и новой жизни. Гриша знает, что скоро, вслед за потоками полых вод, прилетят летние птицы и зазеленеют яркой молодой листвой уснувшие на зиму деревья.

Как-то Гриша заболел воспалением легких — была высокая температура, кашель,— и мать не отходила от его постели. Когда температура упала и появился аппетит, она с бабушкой Раей кормили больного хлебом с салом и чаем с молоком и медом. Смесь для всех детей наипротивнейшая. Так что придумали? Разрезали сало и хлеб на маленькие кусочки — размером примерно в один квадратный сантиметр, и, положив первое на второе, выстраивали из них «очередь», а Гришу представили как Робин Бобин барабека, который, как известно, «скушал сорок человек», и заставляли каждый маленький бутерброд запивать одним глотком лечебного чая и после этого считать, сколько кусочков съел и сколько осталось. Так постепенно и были «уговорены» необходимые продукты... И все это — с бабушки Раиным терпением и добротой.

В детстве Григорий с сестрами видели от матери очень мало любви и тепла. Она заботилась о них, работала, как вол, и в огороде, и на работе, и по дому. Но не было в ней душевности, или она не могла ее проявить. А строгости и жесткости — хоть отбавляй! Поэтому дети не научились любить и прощать себя. Видимо, мать и сама внутренне недолюбливала себя и переживала какое-то чувство вины, оттого так и было все. Ведь тот, кто не испытывает добрых чувств к себе, и других любить не может. Тети, ее сестры, не страдали отсутствием самолюбия и самоуважения,— и даже очень! — так как бабушка, их мама, всегда любила, уважала, жалела и выделяла их перед матерью.

На всю жизнь запомнил Гриша разразившуюся однажды в Брагине великолепную грозу. Тогда стояла ясная погода, ни ветерка, ни облачка не было на небе. Но

вдруг появилось одно легкое, потом другое, и вот они уже рассыпаны по небосклону, а через некоторое время в них стала замечаться чернота, и они как-то быстро собирались в одну сплошную черную тучу. Издалека был слышен еще тихий гром. Ветра не было, но туча надвигалась на поселок и, благодаря солнцу, резко контрастировала с остальным небом, испуская до земли серые лучи. Вдали уже посверкивало, и погромыхивание переходило уже в негромкие раскаты. Появился легкий ветер, повеяло свежестью, и солнце сверкнуло последний раз в просвете тучи и ушло за нее совсем, вокруг потемнело, ветви деревьев и листва затрепетали, а верхушки их стали раскачиваться из стороны в сторону, низко-низко начали метаться на ветру птицы, почувствовалась влажность. Вдруг небо, от горизонта и до горизонта, озарилось молнией, и тут же раздался все возрастающий, с меняющейся тональностью гул, переходящий в сильнейший треск. Ветер еще усилился до шквального, и, вначале капля за каплей, потом все больше и больше, полил сплошной дождь. На песчаной земле образовались небольшие лужицы, в которых забили фонтанчики, потекли желтые ручьи. Когда дождь и ветер стихли, в просвет тучи несмело выглянуло солнце, потом оно вышло совсем и, наконец, залило своим светом все. Ярко засияла умытая зелень травы, листья, крыши и стекла домов, пыль прибилась, и дышалось легко. Редкие капли падали с деревьев, проводов и козырьков домов на землю, весело щебетали птицы, радуясь возрождению жизни. А запахи какие были от травы, цветов — фиалок, табаков и сирени!..

Летом по краям мостовой лежала сухая мелкая серая пыль, и, когда проезжала машина или телега, поднимались ее клубы. Земля в поселке — не чернозем и не суглинок, но и не песчаная, а какая-то серая. Сама же мостовая была из булыжников, с одной стороны ее лежал деревянный тротуар, а с другой проходила обычная земляная тропа.

Гриша любил пересказывать взрослым прочитанные книги и просмотренные фильмы, причем делал это артистически — в ролях. Почему-то часто, наклеив соответствующие усики и сделав знаменитую челку, изображал Гитлера — с характерными жестами, мимикой и речью.

Гриша с сестрами придумали веселую игру: лежа, опустив голову вниз, любили смотреть на лица людей — они приобретали козлиный вид — и до упаду смеялись. Но...

Однажды между Григорием и сестренками, когда Кире было уже почти семь лет — состоялся серьезный разговор — говорили о будущем, о жизни и смерти, о страхе смерти. И он высказал мысль, что ко времени, когда им будет в среднем по пятьдесят, ученые изобретут средство для бессмертия (начитался фантастических романов). И вообще, уже будет коммунизм — совсем другая жизнь, ведь тогда будут 2000-е годы и XXI век. Они по-детски думали и гадали, какова она будет, эта жизнь, каким будет коммунизм, выражали желание поскорее стать взрослыми и дожить!

В отрочестве Григорий научился управлять собой во время сновидений. Ему иногда, наверное, как и всем в детстве, снились страшные сны. Вначале он старался проснуться, но подсознание начало разыгрывать с ним злые шутки. Он как бы просыпался и, лежа в постели, видел все до мелочей, как в реальности, вплоть до шевелящихся в лунном свете листочеков лип, росших у дома, и слышал даже тиканье часов. И лишь некая нереальная зыбкость и свечение — то ли штор на окне, то ли деревьев, — и Гриша понимал, что это не что иное, как продолжение сна, и вдруг холод и мурашки прокатывалась по телу — во сне.

Так было несколько раз. Тогда он изобрел способ выхода из этого лжепросыпания. Он во сне брал два стула, ставил их спинками друг к другу, но на расстоянии полуметра, давал себе установку: делаю кульбит — кувырок через голову с поста-

новкой на ноги — и после него просыпаюсь, выполнял это и уже реально просыпался. Все срабатывало безотказно много лет.

Тяжеловато жилось отроку, но Григорий часто утешал себя тем, что ему плохо не потому, что виноват, а такая у него судьба. Разве при хорошей жизни подобные мысли приходят человеку в голову?..

Когда же Грише было особенно тяжело, он представлял себя либо героем, награждаемым высокой наградой, либо погибшим... над телом которого рыдают те, кого он спас или защитил. Ведь человек должен себя чувствовать счастливым...

Часто, когда детский сон, наконец, смыкал веки, Грише все грезилось, будто теплая, нежная рука гладит его. Он лежит на кровати в большой комнате, на столе горит керосиновая лампа, и никого кругом, только рука все ласкает и ласкает его по волосам, по лбу, по щеке, и он слышит нежный голос бабушки Раи: «Спи, спи, мой милый, спи, хороший». Он будто бы открывает глаза и в неясном, чуть колышущемся и теплом свете лампы видит такой знакомый и родной силуэт. В порыве он протягивает руки, привлекает его к себе, крепко-крепко обнимает и целует. Любовь окутывает его всего и теплом разливается по всему телу...

В начале шестидесятых годов по стране шло, санкционированное Хрущевым, закрытие церквей. Единственную церковь в Брагине — храм святителя Николая Чудотворца, разрушенный в 1936-м году, но «тихо» функционировавший после войны,— тоже закрыли. Народ — в основном, конечно, бабушки — шепотом «возмущался» в беседах на лавочках.

В те годы в Брагине среди молодежи возникло направление — «стиляги». Это были молодые люди, носившие модную в то время одежду и стрижку. Жители плевали им вслед и смеялись, зла выслушивая и показывая на них пальцем.

Тогда же на Гришиной улице появился первый черно-белый телевизор. Это была большая диковинка, особенно, когда увидели экран, тогда еще небольшой. Привыкли ведь в кинотеатре (вернее, в Доме культуры), пока киномеханик не включит свой аппарат и не погасит в зале свет, к большому белому безжизненному полотнищу. А тут сидишь в комнате — кто на подоконнике, кто на табуретке или стуле, а многие и на полу. Когда показывали финал чемпионата Европы по футболу в Испании, где играла наша команда, ставшая в тот год чемпионом континента, то многие и со двора через окна смотрели — болели! Но пока не стало обычным явлением иметь свой телевизор (в 1964-м, когда Григорий уехал из поселка, их было немного), люди ходили в ДК смотреть кино и на редкие спектакли и концерты, которые завозили к нам гастролирующие артисты, а иногда и целые труппы.

Однажды в Доме культуры поселка анонсировали концерт, который должны были давать актеры одного из минских театров. Заранее продавались билеты. Мать купила два — себе и Григорию.

И вот наступил долгожданный день концерта. До начала остается совсем немного времени, но тут силу берет материнский «пунктик» — копаться в мелочах, до невозможности оттягивая время выхода из дома. «Докопались» они до того, что, естественно, опоздали. Приходят, концерт начался, а места их заняты. Все началось с требования освободить места. Те, кто сидел (к слову, это была одноклассница Гриши Людмила Потоцкая, с которой у него потом были хорошие, дружеские отношения, и ее мать), ни в какую. Ведущая концерта вела свою речь, а скандал развивался по нарастающей, хотя Григорию с матерью служительница ДК предлагала другие места чуть подальше. Мать Григория была очень принципиальной и «давала прикурить» каждому, кто, как казалось ей, покушался на ее достоинство. Даже там, где можно

было простить и пойти на компромисс... Когда дело дошло до крика, занявшие места уступили их, но настроения уже не было никакого, тем более что заметно чувствовались негативные эманации окружающих.

У Григория очень рано в детстве проснулась влюбчивость, а вместе с ней и секуальность. Первой его любовью была актриса Тамара Семина, игравшая в фильме «Два Федора» Наташу. И он часто представлял себя ее мужем, это — в семь-то лет! Потом Гриша влюбился в реальную девочку — Валю Дудку, а любовь, как известно, требует выражения. И вот, учась в третьем классе, он на задней стороне обложки учебника «Родная речь» написал: «Я люблю Валю Дудку!». И нужно же было такому случиться, что он забыл этот учебник в парте. А может быть, сделал это и осознанно. Книгу нашла девочка, дежурная в этот день по классу, убиравшаяся после уроков, и на следующий день, со всей ответственностью, в начале первого же урока доложила учительнице. Весь класс взорвался от хохота, Валя, густо покраснев от стыда, с выступившими на глазах слезами, вниз лицом упала на парту. Евдокия Дмитриевна сказала Грише, чтобы тот вышел из класса. Что она говорила его одноклассникам, то до сих пор покрыто для него мраком тайны. Но когда Гришу пригласили войти, Валя, хоть и выглядела расстроенной, уже не плакала, ребята успокоились, и уже никто не смеялся. «А может быть, Гриша действительно любит Валю», — сказала учительница в его присутствии.

Но любовь Гриши поистине была несчастной... В один из зимних вечеров, на льду Брагинки, под мостом в центре поселка, был организован каток. Темное, бездонное синело между облаков небо с редкими крупными звездами, а вокруг полной яркой луны облака были окрашены в оранжевый цвет. На катке было много ребят и девчачат из их класса. Кто на коньках, кто так, в общем, катались как могли. Любовь в представлении мальчика-подростка требовала задевать девочку, а та должна была реагировать. Как? — Вот в этом и была вся соль. Валя реагировала так, как будто ей были неприятны даже прикосновения Гриши. Самоуважение побуждало его прекратить дальнейшие попытки, но чувство пыталось обратить внутренний и внешний негатив в шутку и изменить и его, и ее отношение к происходящему. Чувство было сильнее, потому попытки «задевать» продолжились. Чуда не произошло. Отрезвил Гришу и заставил уйти с катка только отчаянный крик Вали: «Отстань, дурак!» и обидный смех ребят: «Гусь, гусь, хилый гусь!». Тут же вокруг Вали стали вертеться другие мальчики, и она, она — его любовь! — стала отвечать им одобрительными улыбками...

А через несколько дней, когда Григорий шел из школы домой, из-за кустов, росших возле ее палисадника, раздался знакомый голос: «...Морда проклятая!» — услышал он.

Однажды на большой перемене, перед последним уроком учебного года и отъездом Вали с родителями на другое место жительства, одноклассники 4-го «А» играли в школьном дворе. Гриша залез по лестнице на четырехметровый турник из бревен. Внизу, чуть в отдалении, в группе девчонок стояла Валя. Поглядывая на нее, сидя на бревне, упираясь в него руками впереди себя и отталкиваясь ими же, он передвигался вперед к шесту, по которому все, и он, неоднократно, спускались вниз, обхватив его руками и ногами и скользя. Но, несмотря на то, что Гриша делал это успешно много раз, сейчас почему-то, видимо, сильнее, чем было нужно, по-ухарски, замахнулся ногами и не попал ими на шест, соответственно, не смог обхватить его,— а уже перекинулся,— и в мановение ока, то есть, с учетом ускорения свободного падения и трения руками, оказался на поверхности земли, с сильным ударом ногами о нее. После такого приземления он несколько минут ходил вприсядку вокруг этого шеста, не имея возможности разогнуться, пока не отпустило.

Придя в класс, Григорий «приземлился» окончательно. Перед началом последнего урока Валя подарила каждому изготовленную своими руками, с индивидуальной надписью красочную открытку. Каждому... кроме одного Гриши! И это первая любовь! Такой травмы в жизни у него не было еще никогда. Шел тогда ему одиннадцатый год.

Одной из влюбленностей Григория, через год после отъезда Вали, стала подруга сестры Галя. Он даже посвятил ей стихотворение, каллиграфически написал его, отнес и вручил ей сложенный вчетверо лист. Но в ответ — никакой положительной реакции. Затем Гриша влюблялся в Лену (из села Орехово), Милу, Люду и Наташу (все это с 5-го по 7-й класс). Но ответного внимания не было. Да и какое ответное чувство могло возникнуть у девочки по отношению к худощему, длиннорукому, с кистями, похожими на «кисти» скелета, длинношеему мальчугану? Девочкам нравились другие, и их можно понять. Но тогда...

Отягчило же все совращение Гриши рыженькой дочкой парикмахера. Сидели они как-то у него дома, и Инна предложила поиграть в мужа и жену. И для этого, чтобы «было не понарошку», нужно целоваться, и не просто, а языками, и прижиматься друг к другу. И больше ничего,— но, видимо, этого было достаточно, чтобы разбудить в нем раннюю сексуальность. И то, что Гриша целовался (а делали они это потом довольно часто, скрываясь от ее отца, который, зная «пристрастия» своей дочери, буквально преследовал ее по пятам) с девочкой, в которую не был влюблена, и отсутствие в дальнейшем симпатии к нему со стороны других девочек, которых он любил, привело к разрыву двух составляющих — влюбленности и сексуальности. А это, в свою очередь, отразилось в будущей жизни Григория в общении с противоположным полом, разделяя по принципу: муhi отдельно, котлеты отдельно. Но накрепко закрепило это другое происшествие, случившееся с ним в семнадцать лет. Однако, это тема другой, следующей повести...

И еще одно способствовало развитию сексуальности: когда только строился новый дом, у них в комнате, где спала бабушка Аня и все дети, жила еще девушка из села, учившаяся на курсах бухгалтеров. Гриша очень хотел попасть к ней в постель, воображал и намекал — сдерживали его только сестренки, как назло не смыкавшие глаз...

А тогда рано проснувшаяся сексуальность, к субъектам любви никак не проявлявшаяся, проявилась трагическим образом к соседской девочке, и еще к одной девочке, в которых он отнюдь не был влюблена.

История же с первой девочкой была такова. И соития-то никакого не было — Грише было двенадцать лет, а ей семь. Было только прикосновение. Но при этом он, теперешний, не знал, как ему *того* назвать, сказал ей, что этим занимаются все хорошие люди. Родители девочки жили в Минске, и когда она приехала к ним от девушки с бабушкой поступать в школу, то первым делом похвалилась, чем «хорошим» занималась. Представьте, что было там с родителями и гостями! И что было потом по отношению к Грише со стороны соседей. Дед Светы чуть ли не с топором ломился в дом, где он забаррикадировался. Но дело этим не закончилось.

Родители девочки настолько запугали свою дочь, что страх (чего — Григорий так и не понял, ведь они проводили обследование, и разрыва девственной плевы обнаружено не было), видимо, так довел над ней все детство и юность, что когда она в восемнадцать лет выходила замуж, после росписи в ЗАГСе у нее случился инфаркт, и она умерла. Вот так Гриша стал причиной страдания и смерти невинного человека.

Со второй девочкой у него, находящегося в том же возрасте — двенадцать-четырнадцать лет,— тоже ничего, кроме описанного ранее, не было, но и то, что было, сильно отразилось на ее жизни.

И еще был случай. В Орехово после двух первых любовей — к актрисе и Вале Дудке, влюбился Гриша в соседскую девочку Лену, дочь работника леспромхоза. И однажды, играя, признался ей в любви. Младшая сестренка ее, услышав, рассказала

об этом всем взрослым, жившим в доме. И бабушка Рая, тети (тетя Лиля оканчивала институт на год позже и на каникулы приехала в Орехово) и мать устроили Грише «профсоюзное собрание», где долго объясняли, что, во-первых, в таком возрасте рано говорить о любви, так как нужно учиться и так далее; во-вторых, что от любви бывают дети; и в-третьих, что нужно, когда Гриша вырастет, найти девушку по себе, с соответствующим образованием и национальностью, а не «кабы кого»... Так шло его воспитание в этом плане, или, вернее, планах. Этот разговор и дальнейшая тотальная слежка напрочь уничтожили в нем всю романтику отроческого чувства.

После всех этих взаимоотношений Григорий стал чувствовать презрение ко всему женскому полу, и до двадцати лет у него никаких контактов ни с девушками, ни с женщинами не было. Да и потом, до женитьбы в двадцать три года, эти контакты можно было пересчитать по пальцам одной руки...

Вспоминая все это, Григорий иногда спрашивал себя, а может выбросить все это из памяти, забыть напрочь? И отвечал себе: нет, ведь это хоть и неприятная, но живая правда, то корневое, что лепило характер, судьбу, самою жизнь его. И еще, Григорий достаточно поздно — жаль, что никто не подсказал ранее,— осознал: «из чего еще делать добро, как не из зла?», и как здорово, когда сквозь слой обид, недоброй памяти и всякой дряни — жизненного перегноя — вырастает в начале веточки, потом деревце и, наконец, дерево прощения, добра и любви.

Наряду с негативными моментами были в детстве Григория и позитивные варианты. Например, Люда Потоцкая — та девочка, с мамой которой поругалась Гришина мать при опоздании в ДК на концерт,— в принципе, одна из возможностей будущей семейной жизни (у Григория с ней была душевная близость), если бы он не уехал из Брагина. Была еще одна девочка такого же плана — Вишняк. Но не сбылось...

Все эти перипетии не смогли истребить живую любовь, наполнявшую трепетное сердце Григория, душа его до преклонных лет продолжала расцветать чистыми, светлыми чувствами. Но уже тогда, в детстве, появились и серые очажки обиды, вспыхивающие электрическим разрядом узелки злости, разливавшиеся болотца недовольства и крепло с каждым годом чувство холодного, ледяного одиночества.

Гриша был эмоционально неустойчивым мальчиком. Однажды один взрослый, глубоко заглянув ему в глаза, сказал: «Все хорошо, но плохо, что он такой чувствительный...».

Когда Григорию исполнилось 13 лет, мать по знакомству записала его во взрослую библиотеку, и сколько бы интересных и полезных книг он мог перечитать, если бы, в январе 1965 года, то есть практически через год, Григорий не уехал от жесткой, а может быть, жестокой матери — где граница? кто разберет? — к тетке в Тулу, надеясь там найти справедливое к себе отношение и семейную теплоту. Если бы он знал тогда, что есть преступления хуже, чем сжигать книги, это — не читать их. А ведь они являются для души памятью того, что ей близко, помогают ей вспомнить то, что она так глубоко хранит, то, что боится забыть.

У тети Руфы семейная жизнь не сложилась. Вышла она замуж за человека — свою юношескую любовь,— с которым не виделась восемнадцать лет. Уехала в Черновцы, и стали они там жить-поживать... Вдруг через месяц стали приходить жалостные письма, что муж ее садист, спит с ней с ножом под подушкой и принуждает ее к противоестественным половым сношениям, а его тетки (родители погибли) относятся к ней, как к служанке, и понуждают брать с пациентов деньги, мол, у них так принято... Мать Григория тут же мобилизовала себя на все сто — написала письмо на двадцати страницах, как той действовать в каждом конкретном случае — чуть ли не как поселить у себя в постели представителей горисполкома. Да вот одно упустила —

каждый ведь судит о других по себе. Этот «пакет» вскрыли тетки «влюблённого» и, после ознакомления с подробной «инструкцией», просто-напросто выгнали беременную тетю Руфу на улицу... Приютили ее люди из жалости в ванной комнате — спала с младенцем в ванне. Пытаясь она как-то устроиться в городе, обивала пороги, но все безуспешно. И после недолгих мытарств уехала в Тулу, где родилась, устроилась в новую, открывшуюся недавно поликлинику при заводе и как врач получила квартиру. Жила она с мамой — бабушкой Раей и родившейся дочкой.

Мать была умной и мудрой женщиной. Так, когда Григорий уезжал к тете Руфе в Тулу, она говорила ему: «Когда ешь яблоко, места, где черенок и с противоположной стороны, не ешь... — там может быть грязь и химия!» Григорий долго потом вспоминал эти слова, — почему мать вдруг, ни с того ни с сего, так сказала? — прикладывал их к тому, к другому... И был прав, ибо, несмотря на наличие свободного времени, у людей часто не находится и минуты подумать. Потом он понял их истинное значение — у каждой вещи есть внешняя сторона, иногда и глянцевая, а есть еще внутреннее содержание, где может быть скрыт яд, отрава... Однако он понял еще и другое — чтобы правильно жить, нужно искать смысл жизни. С этого понимания началось его отчество, его взросление.

В Тулу Григорий ехал зимой, в школьные каникулы. Поезд для него был уже не в новинку — дважды с матерью и сестренками ездил в Орехово и обратно. Но то было летом, а теперь, зимой — снежные поля и обеленные смешанные леса, крыши под снегом деревенских и поселковых домов и вертикальные, в морозную и безветренную погоду, столбы сизого дыма над ними, — все это он видел через оттаявшее, с помощью ладони и дыхания, оконечко в сказочно расцвеченному лучами яркого солнца морозном узоре на окне вагонного купе. Много людей ехало из Гомеля в Москву, каждый по своим делам, но у всех лица светились этой радостью солнечного январского дня.

Электричка из Москвы пришла поздним вечером, и Гриша, по предварительной договоренности, чтобы не плутать среди абсолютно похожих друг на друга пятиэтажек-«хрущевок» в новых микрорайонах города, быстро пешком добрался до еще до военных знакомых их семьи, благо, они жили недалеко от вокзала на тогдашней Красноармейской улице. Ночь была темная, безлунная, но звездная: в свежем морозном воздухе мелкие звезды дрожали разноцветными огоньками, а те, что покрупнее, переливались, казалось, всеми цветами радуги, снег на тротуаре и стекла неосвещенных окон, покрытые серебристыми пальмово-папоротниковыми узорами, искрились под светом фонарей.

Знакомые — пожилая пара — встретили его доброжелательно, накормили и уложили спать. Наутро Гриша, позавтракав, опправился по адресу тети Руфы. Добрые люди помогли ему сориентироваться, и вот он уже на месте. Городская квартира, по тем временам — теперь же вызывающая пренебрежительную улыбку, — по сравнению с их сельским домом и старым домом, где он ночевал, показалась ему дворцом.

Через несколько дней, когда закончились каникулы, Гришу записали в школу. Так началась его городская жизнь...

Атмосфера в семье была строгая. Все было расписано по пунктам. У Григория были, кроме уроков, свои обязанности: ходить в магазин за продуктами и в газетный киоск (тетя любила читать «За рубежом» и приучала к этому его), активно участвовать в уборке и мытье посуды. Пунктуальность доходила до того, что человек, когда ему клали на тарелку еду, должен был сказать: «Хватит!» или «Еще!», но все полученнное съесть буквально до состояния вылизанной тарелки. Своего уголка у Гриши не было. Отдохнуть от уроков он мог только на спортивной площадке у соседнего дома, которая была, как на ладони, видна из окон квартиры. Ни погулять с друзьями, ни куда-то сходить самостоятельно он права не имел. Дело дошло до того, что когда,

учась уже в девятом классе, он записался в секцию по баскетболу и после занятий, в девять вечера, пришел домой, ему устроили скандал с истерикой, отпаиванием сердечными средствами бабушки Раи и последующим, под угрозой отправки в Брагин, запретом заниматься в секции... Дело приняло более легкий оборот, когда другая тетя, Лилия, получила квартиру за репрессированного в 38-м году отца, и Григорий переехал к ней. Тетя Лилия сказала: «Если все запрещать, то получится ни рыба, ни мясо!», и после строгого режима Гриша получил некоторое послабление. А уж когда, через полтора года, семья его переехала в Тулу (предварительно отец устроился на работу и вступил в кооператив) и обрела свою квартиру, продав дом с участком в Брагине, то в обмен на отказ от поступления в московский вуз, он получил полнейшую свободу. Только позвони: где, что и надолго ли... Вот так отрок, зажатый с рождения в тиски всевозможных ограничений, вдруг получил беспредельную вольность. Но это уже другая повесть...

Когда же вся семья собралась в Туле, на родине матери, бабушку Аню не оставили, хотя она наотрез отказывалась уезжать из родных мест — от знакомых, от могил родственников — и плакала. Было ей тогда почти восемьдесят лет. Спала она на раскладушке в комнате Гришиных сестер. Не нашлось для нее денег даже на простую кровать. Весь этот переезд, переживания очень сильно сказалось на бабушкином здоровье. У нее создалось навязчивое состояние, выражавшееся в страхе, что ее увезут в Бологое и там убьют. Она часто, съежившись, сидела у радио и напряженно вслушивалась. Потом вдруг вскакивала и голосила: «Унучок! Не дай мяне увязти! Вони хотять мяне забрать у Балагое! Унучок, защити мяне, унучок!..»

Так длилось полтора года, до инсульта. Она всю жизнь провела на земле в огороде и за шитьем, была очень спокойной и доброжелательной, ничем не болела. А тут за короткое время сгорела. Что значит оторвать человека от родных мест, где он прожил всю жизнь, от родных корней. Умерла бабушка Аня тихо, как и жила...

Мать после всех «битв» и нервотрепок, связанных с переездом в Тулу и перевозом бабушки Ани, заболела воспалением мозговой оболочки, после чего у нее возникла угрюмость и нервозность.

Как часто во взрослой жизни Григорий хотел возвращения,— хотя бы на непролongительное время,— того детского свежего и беззаботного состояния, наполненности гармонией и красотой, любовью к окружающему, непреодолимой тягой к большой любви и непобедимой верой в будущее. Жизнь, этот «Змей-Горыныч», постоянно поедала те малые ростки, пытавшиеся пробиться сквозь долголетние наслаждения. Но они прорастали и прорастали, ибо память детства — это то, что укрепляет силы и надежду на лучшее.

...Теперь да будет позволено автору, дабы читателю стало более ясным многое из выше описанного, перенестись в далекое будущее. Когда Григорию исполнилось пятьдесят четыре года, семидесятивосьмилетняя мать сказала ему: «Ты только родился, а уже смотрел на меня с ненавистью!» И это, так долго, в течение всей жизни, хранимое в душе, было сказано человеком в том возрасте, когда обычно должно приходить понимание: важно, чтобы все, к чему ты прикасаешься, менялось к лучшему, чтобы лучшая часть тебя развивалась дальше в другом. Но главное не это, а то, что уже с младенчества мать определенным образом относилась к своему ребенку...

Таковым, дорогой читатель, было начало Гришиной жизни...